

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

6

Москва
Санкт-Петербург
2014

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 6. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. — 32 с.

ISBN 978-5-98874-102-2

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, посвященные рассмотрению представляющихся значимыми вопросов историографии, археографии и методики исторических исследований.

Редактор *С. Н. Кустерев*

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

С. Н. Кистерев

К ОЦЕНКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ТАМОЖЕННЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ XVII ВЕКА

Расхожим является мнение о низкой образованности основной массы населения России в XVII веке. Оно основывается, главным образом, на свидетельствах иноземных писателей, лично весьма мало общавшихся с кем-либо, помимо представителей правительственных структур и приставленных к ним в качестве сторожей и соглядатаев лиц, но наслышанных об отсутствии в стране учебных заведений, подобных западноевропейским университетам. При этом исследователями, как правило, упускается из вида, что и за пределами Русского государства слушателями университетских курсов была незначительная часть населения, тогда как познания большинства людей немногим отличались по уровню осведомленности в последних достижениях научной мысли от рядовых горожан или крестьян в России.

Тем не менее, это мнение иной раз является основанием для суждения об особенностях некоторых типов документации XVII в., являющихся источниками сведений для историков, живущих столетия спустя. В качестве примера можно привести фрагмент из книги Ю. А. Мизиса, то место, где автор говорит о характерных чертах таможенных книг, созданных в городах Центрального Черноземья. «В большинстве городов на Юге России, — пишет Ю. А. Мизис, — таможенную службу несли безграмотные или малограмотные таможенные служители и не всегда хорошо подготовленные подьячие. Поэтому качество оформления многих документов оставляло желать лучшего. В частности, по многим городам в 50–70-е гг. XVII в. подьячие пропускали информацию о социальной принадлежности торговца, объеме привозимого товара или стоимости партии, месте его приобретения, редко указывались сведения о конечном пункте следования торговца с приобретенным товаром. Видно, что таможенных служи-

телей интересовали сведения о фамилии или прозвище, имени и иногда отчестве торговца, его месте жительства, наименовании товара и суммах взятого налога. В некоторых городах велись отдельные записи о соляной и рыбной торговле, книги о конской торговле и продаже вина. В других городах все эти записи объединялись в одну книгу. ... Продажа соли шла как „соляной торг“ без указания места и качества вывезенной соли, ее объема, а скота и рыбы — под общими записями без уточнения количества и объема продаваемого товара».¹ Столь обширная цитата необходима, поскольку в данном пассаже исследователь перечисляет, видимо, все обнаруженные им недостатки в делопроизводстве южнорусских таможенников.

Однако Ю. А. Мизис в этом случае, как кажется, рассуждает с позиций тех из современных историков, кому наличных источников всегда мало, а предоставляемых ими сведений — недостаточно. Иное дело, насколько выявленные им минусы представлялись таковыми как самим таможенникам той далекой эпохи, так и их руководителям в Москве. Ответ на этот вопрос позволит судить, действительно ли названные особенности таможенной документации проявились вследствие малограмотности и профессиональной непригодности ее составителей.

Для начала попробуем уяснить, почему служителей интересовали именно те сведения, которые, как отметил Ю. А. Мизис, они считали должным отразить в создаваемой книге. Напомним, что главной обязанностью таможенников было собирать пошлины в соответствии с существовавшими в данном городе нормами, но, желательно, в большем объеме, чем их предшественники на том же посту. О своей деятельности они должны были по истечении срока службы отчитаться перед администрацией московских приказов, а последнюю, по понятным причинам, интересовала именно общая величина сбора пошлин, коль взимания с каждого отдельного торговца не встречали возражений со стороны этого последнего и не вынуждали заниматься разбирательством в конкретном случае. Таможенные служители на местах создавали документы не для собственных нужд или интереса, но для отчета высшим структурам, и естественно, что эти документы должны были удовлетворять требования именно этих структур. Поэтому указание суммы взятого налога было обязательным, отчего всякий раз и встречается в книгах.

Размер же взимаемых пошлин определялся местожительством товаровладельца. Уставные таможенные грамоты всякий раз строго раз-

¹ Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 25.

личают пошлины для туземных торговцев, с одной стороны, и для иногородних, с другой.² Причем это единственный признак, влияющий на норму обложения, тогда как социальная принадлежность торговца и даже происхождение самого товара не имели значения для величины и ассортимента пошлинных сборов. По этой причине таможенники должны были указывать, являлся ли продавец или покупатель местным или пришлым на данном рынке. Естественно, что при этом обязательным было зафиксировать и сведения, позволяющие идентифицировать саму личность товаровладельца, тем более, что ему выдавалась выпись, подтверждающая в будущем уплату им пошлин. Данными обстоятельствами и объясняется появление анкетных данных для каждого, предъявившего товар или деньги для реализации в округе, подведомственной данному пункту таможенного контроля.

Трудно сказать, насколько отдельный или в общем порядке учет торговли отдельными видами товаров, как то конская, рыбная, соляная или винная, свидетельствует о степени грамотности или, шире, профессиональной пригодности лиц, занимавшихся сбором таможенных пошлин с этих видов торговых операций. Так или иначе, пошлины собирались, очевидно, в соответствии с существовавшими нормами, что было куда важнее. Не исключено, что ведение отдельных книг обусловливалось наличием нескольких целовальников, специализировавшихся именно на таких товарах, или различием мест, в которых являлись эти товары в каждом отдельном городе. Однако понятно, что на итогах деятельности таможенников, как они оценивались в Москве, данное обстоятельство не сказывалось.

На объем взимаемых пошлин существенно влияла предназначенность товара для вывоза за пределы данного таможенного округа. При этом конечный пункт его транспортировки не играл в данном отношении никакой роли, отчего и указание на дальнейшее направление пути можно рассматривать лишь как случайность, а отсутствие оно же ни в коей мере не говорит о нерадивости или неразумии таможенников.

² Как пример, см. уставные таможенные грамоты Калуги, Перевицка, Курска и Ельца (*Кистерев С. Н.* 1) Документы о таможенном деле в Калуге и Перевицке в начале 20-х годов XVII в. // ОФР. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 147, 153; 2) Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. // ОФР. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 230; 3) Таможенные правила в Ельце в 1620–1629 годах // ОФР. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 321). См. также: *Кистерев С. Н.* Особенности происхождения уставных таможенных грамот южнорусских городов в первой трети XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 78–82.

Сведения об объеме привозимого или провозимого товара представлялись важными для контроля за действиями товаровладельца во избежание беспошлинной продажи им товара по пути между отдельными таможенными пунктами. Эти данные удостоверялись представляемой или получаемой таможенной выписью и были существенны больше для торговца, чем для таможенников, уже составлявших отчет в виде книги сбора пошлин. Следовательно, и эта графа в создаваемой документации не должна была представляться обязательной, поскольку отчитывались в объеме сборов, но не в массе подлежащих обложению товаров. Стоимость же этого товара сказывалась опять-таки на объеме пошлинного сбора в момент его осуществления, но после того, как пошлины были взяты, не представляла существенного интереса ни для таможенников на месте, ни для начальствующих лиц в московском приказе. И, тем более, для всех их не имело значения качество предъявленного товара, будь то соль или нечто иное. Разумеется, качество в какой-то степени определяло цену и, соответственно, общую стоимость товарной партии, но могло и должно было заботить ее владельца и потенциального покупателя, но никак не таможенников. Для этих последних решающим моментом была оценка реализуемой товарной массы в целом. Осматривая являемый товар, они видели и степень соответствия его рыночному стандарту, но фиксировать эти сведения в отчетной документации не имело для них никакого смысла.

Следует отметить, что указанные Ю. А. Мизисом характерные черты южнорусских таможенных книг не являются таковыми только для них. На Русском Севере, например, в Великом Устюге, таможенники, даже приводя данные об ассортименте и объемах товаров, отнюдь не всегда указывали стоимость каждого отдельного вида, предпочитая исчислять общую для всей партии в целом. Их, видимо, столь же мало занимали происхождение и качество товаров, социальная принадлежность их владельца или направление передвижения и конечный пункт транспортировки. При этом крайне важно учитывать то обстоятельство, что таможенными головами, осуществлявшими надзор за деятельностью непосредственных исполнителей — целовальников, на Севере зачастую выступали представители слоя крупных предпринимателей торгово-промышленного класса, которых трудно уличить в малограмотности.

Примечательно, что отчетные документы, каковыми, повторимся, являлись таможенные книги, и южные, и северные, без каких-либо нареканий принимались руководителями приказов, Разрядного или Устюжской или Новгородской четвертей. Это означает, что представленные в них сведения рассматривались как достаточные, а способ их записи как удовлетворительный. Следовательно, качество при-

сылаемых в приказы книг отвечало требованиям приказных властей, среди которых нередко встречались выходцы все из тех же торгово-промышленных кругов, прежде получения дьяческого чина удостоившихся за свои заслуги высокого звания гостя.

На своем посту в приказе дьяки были озабочены величиной таможенных сборов в подведомственных им городах, но не коллекционировали статистические сведения об ассортименте товаров, их происхождении, объемах и качестве. Некоторые из них, в прошлом сами будучи таможенными головами, интересовались адекватностью норм пошлинных окладов, как, например, устюжский голова Михаил Смывалов в 1621 г.,³ или наведением порядка в документации, как тот же Смывалов на посту главы Устюжской четверти после большого московского пожара 1626 г., но все это лишь применительно к главной задаче — отлаженной работе учреждений, призванных пополнять царскую казну.

Все сказанное позволяет считать, что ограниченность сведений, представленных в таможенных книгах русских городов XVII в., отсутствие устойчивой их номенклатуры обусловлены не степенью профессиональной подготовки таможенных служащих, не уровнем их грамотности и даже образования в целом, а предъявляемыми к ним со стороны руководства требованиями, то есть ограниченными потребностями учета собираемых пошлин. Даже малограмотные люди иной раз имели возможность или были обязаны служить в таможнях, и именно примитивность учета обуславливала появление среди таможенников таких лиц.⁴ Эта же примитивность лишала стимула поиск для замещения вакантных должностей особо образованных кадров. А форма учета диктовалась в Москве в высших управленческих сферах.

³ ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. С. 105. № 27; Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. С. 33–34. № 8.

⁴ Современный исследователь, на наш взгляд, справедливо предполагает, что «низкая грамотность в России связана, скорее, с неостребованностью образования, нежели с отсутствием училищ» (Юркин Н. Г. Опыт сравнительного анализа развития российской и зарубежных систем образования до начала XVIII века // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 26).

Я. Г. Солодкин

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ИНСТИТУТ СОПРАВИТЕЛЬСТВА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВЕКОВ?

Приблизительно в конце 1586 г., через два с половиной года после вступления на престол «освятованного» Федора Ивановича, едва ли не вся полнота власти сосредоточилась в руках его шурина Бориса Годунова.¹ С декабря же 1587 г., по наблюдению А. А. Зимина, в грамотах наряду с царем стала упоминаться его «благозаконная» жена Ирина. На взгляд ученого, «Годунов предполагал таким образом укрепить положение Ирины как наследницы Федора».² Английский посол Дж. Флетчер, побывавший в Москве в 1588–1589 гг., констатировал, что царица любит в отличие от мужа заниматься государственными делами и, поступая «совершенно неограниченно», часто прощает «преступников ... от своего собственного имени».³ В московских изданиях времени Федора Ивановича отмечалось, что он управляет страной и «советом» Ирины. В ее честь в 1589 г. был основан

¹ Как думалось С. Ф. Платонову, иностранцы считали Бориса соправителем царя Федора (*Платонов С. Ф.* Смутное время. СПб., 2001. С. 206). Точнее, по выражению того же исследователя, в донесениях из Москвы, которые шли в Лондон и Вену, Годунов представлен регентом при наследнике Ивана IV.

² *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 173. Ср.: С. 281. Примеч. 47. Ранее выдающийся историк называл другую дату — 1588 г. (*Зимин А. А.* Смерть царевича Димитрия и Бориса Годунов // *ВИ.* 1978. № 9. С. 107).

От имени Федора Ивановича и Ирины в 1592–1593 гг. были выданы жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю. См.: *Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов.* Вып. 3. Ч. 1. Нижний Новгород, 1913. С. 71–74, 77, 84; *Маштафаров А. В.* Муромские монастыри и церкви в документах XVI — начала XVII века // *РД.* Вып. 6. М., 2006. С. 83, 88.

³ *Флетчер Дж.* О государстве Русском (Of the Russe Common Wealth). СПб., 1911. С. 44. Ср.: С. 66.

город Царицын и произносилась заздравная чаша. Тогда же Ирина приняла в Золотой царицыной палате константинопольского патриарха Иеремию, которого молила о даровании долгожданного ребенка. Пять лет спустя в наказе гонцу П. Пивову, отправленному в Речь Посполитую, упоминалось о том, что Борис Годунов может «упросить» государя и его супругу помиловать видного дворянина М. И. Головина, бежавшего туда в «первое лето» царствования наследника Грозного.⁴ Уже в начале своего царствования Федор Иванович с женой и ее братом — конюшим распорядились изготовить в Москве серебряную раку святому Сергию, которую перенесли в «Троицу» в середине августа 1585 г.⁵ Следом, в 1585/86 г., «повелением» «святонаставшего» Федора и «сопместольной» ему «всечестной» Ирины вокруг костромского Ипатьевского монастыря, являвшегося для Годуновых родовым, «тщанием и верою» одного из них, боярина Дмитрия Ивановича, и его племянника конюшего Бориса «начаты бысть делати ... святые врата и оградки». Известно немало вкладов царской четы в церкви и монастыри.⁶ В оценке С. Ф. Платонова, жена «крестonosного» Федора сделалась его соправительницей и советницей. По словам выдающегося историка, Ирина «впервые в московском государственном быту была при муже формально введена в сферу управления как первосоветница своего супруга», вместе с боярами участвовала в обсуждении государственных дел, к примеру, вопроса об учреждении в России патриаршества, чем «постепенно подготавливалось то, что произошло при кончине царя Федора, — передача царства царице».⁷ В представлении П. В. Аврутина, юридически она считалась соправительницей «преблаженного» самодержца.⁸ В таком

⁴ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 316. Ср.: Стб. 319; *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. Примеч. 274; *Панова Т.* «Благоверная и любезная в царицах Ирина» // Наука и жизнь. 2004. № 8. С. 53–55; *Шапилова Е. В.* Представления о государстве и власти после Смутного времени (по материалам московских изданий первой половины XVII века) // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П. П. Ляпунова. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. Рязань, 2011. С. 119.

⁵ *Николаева Т. В.* Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 137. Ср.: С. 139.

⁶ См.: Тобольский архиерейский дом в XVII веке. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 4). Новосибирск, 1994. С. 46; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 380, 414, 415. Нередко вклады делались от имени одного «святоцаря» (Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 17, 156).

⁷ *Платонов С. Ф.* Смутное время. С. 299, 380, 381.

⁸ *Аврутин П. В.* Деятельность Земских Соборов в период Смуты начала XVII в. // Современные проблемы и технологии обучения истории. Материалы научно-практического семинара в рамках Всероссийской конференции «Развитие педагогического потенциала как фактора обновления качества образования». Воронеж, 2010. С. 236.

случае Ирина (которая, по словам Р. Г. Скрынникова, «за многие годы замужества приобрела над Федором большую власть» и даже руководила им⁹) занимала положение, во многом аналогичное тому, что Елена Глинская при своем малолетнем сыне Иване.¹⁰

Определяя степень основательности приведенного мнения, напомним, что вскоре после «дела Шуйских» поистине неограниченным властителем страны оказался Борис Годунов.¹¹ Его сестра не участво-

⁹ Скрынников Р. Г. 1) Борис Годунов. М., 1983. С. 16, 61. Ср.: 2) Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 36.

¹⁰ Ср.: Кром М. «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 120–127, 129, 411, 607.

¹¹ Р. Г. Скрынников, следуя польским и английским источникам, писал о дуумвирате Бориса Годунова и думного дьяка («канцлера») А. Я. Щелкалова, называл их соправителями во второй половине 1580-х годов (накануне, с точки зрения популярного историка, существовал триумvirат, в состав которого, помимо царского шурина и главного посольского дьяка, входил «ближний боярин» Н. Р. Юрьев — родной дядя нового московского государя (Скрынников Р. Г. 1) Россия ... С. 25, 26, 30, 37, 38, 57. Ср.: С. 29, 41, 42, 47, 190. Примеч. 7; 2) Борис Годунов. С. 28, 41–42. Ср.: С. 87). Эта оценка, повторенная Н. М. Рогожиным («Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 84–85; История внешней политики России: Конец XV — XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 384), представляется явно уязвимой хотя бы потому, что «великий боярин» Годунов с весны 1598 г. был конюшим, позднее стал и дворовым воеводой, А. Я. Щелкалов же, как и при Иване Грозном, ведал внешнеполитическими делами, в решение которых все чаще вмешивался и «начальный человек земли» Борис Федорович. Он считался «по власти и могуществу царем русским» или заменяющим его (Флетчер Дж. О государстве Русском... С. 52, 70. Ср.: С. 43, 51, 64, 66). Как читаем в Пискаревском летописце, Борис «правил Русскую землю» «з братиею и з дядиею», да и с дьяком А. Щелкаловым (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 195). Следует считаться и с худородством последнего и его принадлежностью к «бюрократической» среде. См.: Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 40; Козляков В. Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 96, 155.

У Л. Е. Морозовой сложилось впечатление, что слуга и конюший Борис Годунов изображен соправителем Федора Ивановича в «Повести о честнем житии» этого «крестоносного» государя, написанной патриархом Иовом (Морозова Л. Е. 1) Федор Иванович // ВИ. 1997. № 2. С. 52–53; 2) Борис Федорович Годунов // ВИ. 1998. № 1. С. 64; 3) Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 252; 4) Два царя: Федор и Борис. М., 2001. С. 59, и др.). В одной из монографий Л. Е. Морозова даже утверждает, что под влиянием «Повести», якобы зачитанной на состоявшемся в 1598 г. Земском соборе, его участники сочли Бориса «соправителем ... умершего царя» (Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 130).

Публицисту, близкому к «Большому» Годунову, однако, казалось, что он, «строая» «богохранимую» «Русскую державу» «под» «достохвалным» венценосцем, большей частью действовал «по царскому изволению», а Федор сам являлся «правителем» «Великой России». См.: ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 6–7, 11, 13–15, 19. Ср.: ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 19–21.

вала наряду с мужем в дипломатических приемах, а вместе с «синклитом» и «освященным собором» — в решении вопросов о войне со Швецией (1585, 1589 гг.) и канонизации Иосифа Волоцкого;¹² и указы, и законодательные акты исходили от имени одного Федора Ивановича.¹³ Принимать поэтому Ирину за соправительницу «благородливого» мужа представляется натяжкой, хотя после его смерти она в течение девяти дней января 1598 г. занимала престол, да и потом, сделавшись инокиней Новодевичьего монастыря Александрой,¹⁴ вплоть до 21 февраля того же года, когда Борис согласился принять скипетр, оставалась царицей («мнихоцарицей», по выражению дьяка Ивана Тимофеева), от имени которой писались грамоты и выносились решения в местнических тяжбах.

Казалось бы, больше оснований, подобно ряду историков, признать соправителем уже царя Бориса его сына Федора.¹⁵ С. Ф. Платонов

¹² См.: *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 116–117; ПСРЛ. Т. 14. С. 38; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 26–27, 60–61; *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 93, и др.

¹³ Ср.: *Кром М.* «Вдовствующее царство»... С. 126, 128, 129, 135–136, 164, 165, 379, 407.

¹⁴ Б. М. Пудалов объяснил выбор этого имени тем, что просторечный вариант мирского наименования Ирины — Арина (*Пудалов Б. М.* О смеси «французского с нижегородским» (на общеизвестное) // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2005. С. 126). Последнее бытовало и в форме «Орина» (РИБ. Т. 5. СПб., 1878. Стб. 46; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БСР). Ч. 2. М., 1979. С. 59, 65, 76; Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 395 (Памятники истории Восточной Европы XV–XVII вв. Т. 8), и др.). Но, как правило, «всечестная» супруга Федора Ивановича называется в разнообразных источниках Ириной (*Буганов В. И.* Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) // ЗОР ГБЛ. Вып. 19. М., 1957. С. 173–176; ПСРЛ. Т. 14. С. 19, 20, 38, 49; Т. 34. С. 192, 198, 200, 201, 232, 235, 238; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 134; *Скрынников Р. Г.* Россия... С. 75, 147; *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 67, 68, 96; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 318, 320, и др.). Скорее, она приняла иноческое имя по примеру своей дальней родственницы Евдокии Богдановны Сабуровой — первой жены царевича Ивана Ивановича, отец которой одно время являлся боярином Ирины, потом старицы Александры. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 228, 232; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 149.

¹⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 7–8. М., 1994. С. 383; Жак Маржерет. Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 245; *Козляков В.* Борис Годунов... С. 253. С. М. Соловьев находил, что объявление сына соправителем в отличие от Василия II «со стороны Бориса не имело смысла». В. Д. Назаров признает Федора Борисовича формальным соправителем отца, поскольку с осени 1598 г. «официальные документы» исходили от них обоих (что, как увидим, не совсем точно).

писал, что не ранее 1594–1595 гг., вскоре после смерти «единочадной» дочери Федора Ивановича, Борис начал официально ставить рядом с собой, «пестуном» государя, своего сына Федора (родившегося «около 1589/90» или в 1589 г.¹⁶): тот принимал послов, слал подарки «от себя властительным особам», «писался» в грамотах вместе с отцом, готовясь стать преемником «его положения и власти».¹⁷ В 1598 г. подданные «целовали крест» не только новому царю, но и Федору Борисовичу, который расписался на «Утвержденной грамоте» состоявшегося тогда Земского собора (в этом документе царевич назван государем и князем).¹⁸ Примечательно, что из Серпуховского похода Борис прислал с сеунчем (победной вестью) к сестре, сыну и патриарху Иову. На коронации Бориса Федоровича его осыпал золотыми монетами не знатнейший боярин, как ранее, а бывший еще отроком Федор, чем «подтверждалось значение Федора Борисовича как наследника».¹⁹ Последний в 1599 г. участвовал в приеме прибывшего в Москву шведского королевича Густава, давал аудиенции (однажды самостоятельно ввиду болезни отца) польско-литовским и английским дипломатам, а также выходцам из Ливонии, встречал наряду с отцом в Золотой палате датского принца Иоганна (Егана, Ягана) — жениха царевны Ксении — и разделил с ним торжественное застолье.²⁰ В октябре 1602 г., когда Борис Федорович и его сын были в Троице-Сергиевом монастыре, у царевича был стол не в келье, вместе с го-

¹⁶ Козляков В. Борис Годунов... С. 111, 308.

¹⁷ Платонов С. Ф. Смутное время. С. 299–300. Еще Н. М. Карамзин предполагал, что уже до воцарения Борис Годунов готовил сына к «державству», так, в 1597 г. на отцовском дворе Федор встречал австрийского посла А. Бургграфа (*Карамзин Н. М. История... Кн. 3. Т. 10. Стб. 147. Примеч. 317*). По замечанию А. А. Зимина, сын Бориса появляется на официальных приемах с 1595 г. (*Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 205*).

¹⁸ ААЭ. Т. 2. С. 27; *Карамзин Н. М. История... Кн. 3. Т. 10. Примеч. 362; Т. 11. Стб. 14, 107. Примеч. 308*. Титул государя князя Федор Борисович носил и в 1604 г. (БСР. Ч. 2. С. 31, 46, 64).

¹⁹ Бурсон А. Е. Царские венчания конца XVI в. в России в их отношении к предшествующим коронациям // AD FONTEM: У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 346. По утверждению Р. Г. Скрынникова, Ирина не была допущена к участию в коронации Федора Ивановича (*Скрынников Р. Г. 1) Россия... С. 127; 2) Борис Годунов. С. 107*). Однако из так называемого Московского летописца начала второй трети XVII в. известно, что она вместе с боярином князем Ф. И. Мстиславским в «царицыных» палатах «на царском месте» осыпала мужа золотыми деньгами. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 232.

²⁰ См.: *Карамзин Н. М. История... Кн. 3. Т. 11. Стб. 20. Ср.: Стб. 25, 30, 32; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 150; Козляков В. Борис Годунов... С. 201, 205, 236, 237, 246, 268; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 204; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. М., 2003. С. 15–17; ПСРЛ. Т. 34. С. 203.*

сударем, а особый, «в трапезе».²¹ Жалованная грамота старцу Троице-Сергиева монастыря Варсонофию Якимову была выдана 18 октября 1598 г. от имени нового царя, его жены и сына. 12 марта 1599 г. Борис Федорович и Федор Борисович подтвердили жалованную грамоту недавно скончавшегося «миропреподобного» самодержца Строгановым. «Великий государь» Федор Борисович вместе с отцом упоминается в жалованной подтвердительной грамоте от 8 февраля 1603 г. на двор в Москве Хиландарскому монастырю (подобно грамоте той же обители за 1571 г., где названы сыновья Грозного Иван и Федор). Согласно надписи на подкуполе колокольни Ивана Великого в московском Кремле, «сий храм совершен и позлащен во второе лето государства их (Бориса Федоровича и Федора Борисовича. — Я. С.) 108 (1599/1600. — Я. С.)».²² Федор, который имел свой двор из стольников, стряпчих, жильцов и барашей,²³ вместе с отцом участвовал в заседаниях Земского собора 15 мая 1604 г. и совещании (по определению В. И. Корецкого, соборного типа) 3 мая 1601 г., на которых рассматривались вопросы об отношениях с Крымским ханством и подготовке к войне с ним. 4 марта 1602 г. появился указ царя Бориса и его сына, «как им, государям, своего дела и земскова беречи от ... Казы-Гирея»; при этом решили отменить местнические споры.²⁴ О прекращении таких споров между дворянами, назначенными в объезжие головы в столице, речь шла и в указе Бориса Федоровича и Федора Борисовича за 1601/02 г.²⁵ Первым из них коренные жители Сибири освобождались от уплаты ясака на 1599/1600 г. «для своего царского венца (коронации. — Я. С.) и многолетново здравия и для сына своего царевича князя Федора Борисовича всея Руси многолетново здравия». От имени и московского самодержца, и его наследника, тоже «великого государя», в 1601 и 1603 гг. надлежало произ-

²¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 348; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. С. 18.

²² Материалы... Вып. 3. Ч. 1. С. 95–96; *Каштанов С. М.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.* Новосибирск, 2006. С. 17; *Морозов Б. Н.* Жалованная грамота Строгановым 1591 года // РД. Вып. 6. С. 195; *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. С. 77.

²³ См.: БСР. Ч. 2. С. 31, 46, 64; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты (далее — ЗАРГ). Л., 1986. С. 70, 71; *Ареп М. С., Богатырев С. Н.* Англичане в Москве времен Бориса Годунова (по документам посольства Т. Смита, 1604–1605 годов) // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 454.

²⁴ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 103, 104, 121, 122, 160, 161; *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 41, 42.

²⁵ Разрядные книги... С. 134, 136.

нести «жаловальное слово» мангазейским «иноземцам», а в 1604 г. приехавший в Москву зуштинский князец Тоян отпущен на родину, в Томскую волость, с обещанием выстроить там русскую крепость (будущий Томск).²⁶ Царь Борис с сыном приказали выдать четвертное жалование А. В. Хрущову и стольнику И. П. Шереметеву²⁷ (в других случаях, и гораздо чаще, в данной связи говорится об «указе» одного самодержца). Когда в сражении с отрядами Лжедмитрия у Новгорода Северского (21 декабря 1604 г.) тяжело ранили боярина князя Ф. И. Мстиславского, к нему был прислан чашник Н. Д. Вельяминов с «жалованным словом» и царя Бориса, и царевича Федора. Посланцу из Москвы от их же имени предписывалось «поклониться» боярину князю Д. И. Шуйскому и «спросить ... о здоровье» дворян и детей боярских.²⁸ Еще более любопытно то, что в указе от 3 ноября 1601 г. об установлении твердых цен на хлеб, изданном царем Борисом, говорится об управлении страной «з божиею помощью» им и царевичем Федором. В появившемся следом (не позднее 28 числа того же месяца) указе Бориса Федоровича о частичном вывозе крестьян служилыми людьми читаем про пожалование государем и его сыном «поселянам» права выхода. Наконец, приговор «о холопех» был принят 16 августа 1603 г. обоими государями «со всеми бояры».²⁹ И все же, думается, считать «светлейшего» или «пресветлого» юношу, как иногда называли Федора современники,³⁰ соправителем отца, не стоит. Власть, доставшаяся «многославному» Борису не по праву рождения, всецело ему принадлежала вплоть до внезапной кончины.³¹ Его сын, «достаточно способный и годный к делам»,³² которые уже отец, наряду с участием в торжественных церемониях, поручал Федору (всегда, как утверждали иностранные наблюдатели, сопровож-

²⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 300, 372, 373, 383, 389, 394; Т. 2. М., 2000. С. 205, 206; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 37 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

²⁷ Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617) // Смутное время Московского государства 1604–1613. Вып. 9. М., 1912. С. 8, 9, 16.

²⁸ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 114, 170, 171, 196, 197; Разрядная книга 1475–1605. Т. 4. Ч. 2. С. 85, 86.

²⁹ ЗАРГ. С. 67, 68, 70–72. Как показывал в 1604 г. дворянин П. Хрущов, сына, которого намерен объявить наследником, царь Борис «ко всем важным делам ... употребляет». Федору же, с точки зрения Н. М. Карамзина и В. Н. Козлякова, было дано «право ходатая, заступника, умирителя», отведена роль «печальника» перед государем за иноземцев (*Карамзин Н. М. История... Кн. 3. Т. 11. Стб. 54. Ср.: Стб. 23. Примеч. 50, 133, 235; Козляков В. Борис Годунов... С. 245*).

³⁰ ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 378, 436. Ср.: С. 330, 424.

³¹ См., например: ПСРЛ. Т. 14. С. 50–63; Т. 34. С. 201–204, 237–241.

³² Платонов С. Ф. Смутное время. С. 396.

давшему часто болевшего царя³³), насколько известно, не входил в состав ближней думы, совместно с государем принимавшей важнейшие решения по вопросам внутренней и внешней политики.³⁴ Нет сведений даже о том, что царевич, ввиду неожиданной смерти Бориса превратившийся в апреле 1605 г. в самодержца, был причастен к разработке и осуществлению планов военной кампании против самозванца, — кампании, ставшей губительной для гоудуновской династии. В соответствии с традицией при воцарении Федора Борисовича лишь утверждалось, что он занял престол по благословению отца и матери.³⁵ Кстати, патриарх Филарет, которого большинство исследователей принимает за соправителя родоначальника новой династии Михаила Федоровича, гораздо чаще упоминается в законодательных актах наряду со своим царственным сыном,³⁶ чем в аналогичных документах самого конца XVI — первых лет XVII в. фигурирует преемник Бориса Годунова.

Таким образом, хотя, вероятно, по замыслам всемогущего боярина, сделавшегося конюшим и слугой, вначале сестра, а потом сын должны были наследовать престол, думать, что Ирина и (уже в годы «державства» отца) ее племянник делили верховную власть с «мироподобным» Федором Ивановичем и сменившим его на троне шурином, вряд ли стоит, тем более, что под соправительством следует понимать одновременные действия двух равностатусных правителей страны, а не «случай соучастия» родственников монарха в текущем управлении.³⁷

³³ См.: Козляков В. Борис Годунов... С. 256–257.

³⁴ В Новом летописце рассказывается о том, что царь Борис «призва к себе бояр ... и думаше с ними, како бы ... разбойников переимати» (ПСРЛ. Т. 14. С. 58). В. И. Корецкий склонен был отождествлять это совещание с заседанием 16 августа 1603 г., на котором Боярская дума приняла указ о холопах (*Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 210, 223, 224, 227). Летописное известие о призвании бояр к государю (если только он не был болен) противоречит такому заключению. К тому же отряд Хлопка, если следовать датировке В. И. Корецкого, был разгромлен правительственными войсками лишь примерно месяц спустя.

³⁵ См.: СГГД. Ч. 2. М., 1819. С. 188; ААЭ. Т. 2. С. 86, 87. Ср.: С. 13, 14, 54, 55, 104, 151; Козляков В. Борис Годунов... С. 254.

³⁶ См.: ЗАРГ. С. 95–98, 100–104, 107–109, 111–114, 116, 119–121, 123, 124, 126–140, 142–145, 147–156, и др.

³⁷ Назаров В. Д. О соправительстве в Московском великом княжестве (конец XIV — начало XVI века) // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция. 23–25 июня 2009 года. Тезисы докладов. М., 2009. С. 113.

С. Н. Кустерев

К ИЗДАНИЮ ДНЕВНИКОВ М. В. НЕЧКИНОЙ

Мемуары, письма и дневниковые записи, будучи опубликованными, всегда привлекали к себе внимание самых разных читателей, как тех, для кого они заменяли беллетристику, так и тех, кто с большим или меньшим основанием относил себя к числу ученых-историков. И первые, и вторые, каждый по своему, превращали прочитаемый текст в источник разнообразных сведений, более или менее критически воспринимая прочитанное. И те, и другие использовали результат чужого труда, но для «любителей старины» это был труд авторов записок, тогда как историки должны были видеть в первую очередь работу археографов, подготовивших материал к изданию и ставших тем самым посредниками между автором и читателем.

Соответственно, результат деятельности публикаторов всякий раз подвергается оценке, в том числе и публичной — со стороны рецензентов, первой обязанностью которых остается помнить о специфичности таких материалов «личного происхождения» и обусловленных ею особых требованиях и сложностях. Взять хотя бы насущнейшую необходимость комментирования содержания мемуарных или эпистолярных памятников. Есть множество текстов, публикация которых не сопряжена напрямую с обязанностью написания более или менее развернутых комментариев. Широко известны серийные издания без относящихся к текстам пояснений со стороны археографа. Иначе обстоит дело с публикациями переписки или дневниковых записок, где наличие сокращенных написаний, авторских намеков или недомолвок и других особенностей способно низвести текст до уровня бессмысленного для читателя набора слов и аббревиатур. И здесь археограф вынужден выступить в роли исследователя содержания публикуемого материала, то есть обязан предоставить пользователю некую сумму первичных сведений, позволяющих этот материал усвоить.

Или другая особенность работы с данным видом исторических источников, проистекающая из необходимости сопроводить их публикацию неким введением, повествующим об авторе мемуаров или корреспондентах в переписке. Думается, не так просто ограничиться необходимым и достаточным и не превратить вводную статью в пространный монографический очерк, посвященный определенной личности или описываемым событиям.

Названные и многие другие сложности свойственны работе археографа, взявшегося представить публикацию любых подобных материалов. Однако они существенно возрастают, когда авторами издаваемых мемуаров или писем являются ученые. В этом случае перед археографом возникает еще и задача должным образом ориентироваться в вопросах некоей научной дисциплины. Вероятно, поэтому публикации эпистолярного наследия ученых-естественников редко готовятся к печати профессионалом-археографом без участия специалиста-естественника же. Задача несколько облегчается, когда археографом-историком публикуются материалы его коллеги, хотя и в данном случае упрощение больше кажущееся. Тем не менее, в последние десятилетия появилось значительное число изданий мемуаров, дневников или переписки историков, осуществленных археографами без участия самих авторов этих материалов. Одним из последних среди них является подготовленный Е. Р. Кураповой том литературного наследия М. В. Нечкиной, в силу ряда причин, на наш взгляд, заслуживающий особого внимания.¹

В первую очередь следует помнить, что Е. Р. Курапова посвятила свой труд дневниковым и памятным запискам большого ученого, чья деятельность хронологически совпала с периодом существования советской историографии, чьи труды стали неотъемлемой частью самой этой историографии, чьи записки, наконец, характеризуют конкретного советского историка, начиная с этапа становления его как специалиста в условиях формирования новой историографической ситуации.

Своеобразие дневников состоит в цели их создания. Мемуары пишутся для прочтения многими, в идеале — самой широкой публикой, откуда проистекают особенности отбора автором сведений и вынесения оценочных суждений. Письма — изначально для прочтения, как минимум, одним адресатом и, как правило, не предназначаются для посторонних глаз, почему можно ожидать большей искренности и наблюдать определенную вольность выражения, если речь идет

¹ «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М. В. Нечкиной / Сост. Е. Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. 866 с.

о письмах близких людей. Дневники, как подразумевается, пишутся для себя, то ли для памяти, то ли для оценки событий и персон, включая себя самого, то есть для приведения собственных мыслей в порядок, и никакой посторонний взгляд как бы не предполагается. Однако каждый ведущий дневник понимает, что, окажись его записки доступными кому-либо, они будут прочитаны. И если автор не уничтожает дневников при жизни, то он знает наверняка, что они найдут своего читателя, хотя бы единичного. Отсюда появляются основания думать, что составитель дневников пишет все-таки с оглядкой на возможного в будущем читателя, то есть свои оценки событий или лиц, в них участвовавших, предназначает для стороннего восприятия, что-то особенно подчеркивая и о чем-то старательно умалчивая. Следовательно, заранее ожидать полной искренности в дневниковых записях было бы опрометчиво, хотя и следует учитывать, что допуская знакомство с текстами людей посторонних в представлении автора должно состояться, скорее всего, после его смерти, когда многое если и не прощается, то и не преследуется возмездием со стороны обиженных. Сказанное кажется банальным, однако должно учитываться читателем опубликованных дневников, чтобы верно понимать прочитанное. Тем более, что сама М. В. Нечкина, вероятно, предполагала существование в будущем такого читателя, о чем, видимо, свидетельствует запись, относящаяся еще к юношеской поре — «...когда я буду „великим“ человеком в будущем ... то тому, кто будет составлять мою биографию, очень пригодятся мои тетради дневника» (С. 72).² Не менее показательной является запись 26 октября 1914 г.: «По моему дневнику нельзя получить ясного представления о моей духовной жизни» (С. 65). Понятно, что «представление» должно было бы создаваться не у самой М. В. Нечкиной, а у кого-то иного, на чью долю выпала бы тяжелая задача реконструкции духовного облика автора дневников. А то, что ее личность обязательно должна оказаться кому-то интересной в дальнейшем, у Нечкиной-подростка сомнений не вызывало, как не появлялись они у достигшего известных степеней историка, то аккуратно перечислявшего в памятных записках работы, отраженные в служебных отчетах и по каким-то причинам там не отмеченные, то старательно затирившего в старых записях отдельные выражения.

Из сказанного следует необходимость особой осторожности при обращении к некоторым оценочным суждениям автора дневников, в том числе и о самой себе. И, тем более, вряд ли стоило одно из таких замечаний представлять в качестве претендующего на литера-

² Здесь и далее указания страниц публикации даются в тексте.

турное изящество заглавия всего тома. Название книги, видимо, заимствовано из записи 29 октября 1931 г., где в полном виде фрагмент выглядит так: «Редактировала карточки по истории пролетариата. Текущая работа в БСЭ. Масса, невероятно много текущей работы по библиографической комиссии. Нашла 7 редакторов! Бегала и мучилась, и работала невероятно. Очень долго была в библиографической комиссии» (С. 312). Реплика по поводу частного жизненного эпизода в названии тома возведена в ранг принципиальной оценки всей жизни. Сомневаемся, что это верно.

Весьма интересно Е. Р. Кураповой составлена вступительная статья, призванная представить читателю некий «образ в истории». На наш взгляд, основной положительной чертой написанного ею введения является воздержанность от оценки творчества М. В. Нечкиной. Археограф, видимо, хорошо осознавая сложность личности ученого, с одной стороны, как исследователя движения декабристов или деятельности Н. Г. Чернышевского, а с другой — как историографа, изучающего творчество В. О. Ключевского, не считая себя в достаточной степени компетентным во всех этих вопросах и не желая проговаривать от своего имени сказанное другими, просто опирается на суждения иных авторов, например, А. М. Дубровского о докладе М. В. Нечкиной «Почему Россия позже других вступила на путь капиталистического развития» (С. 23) или целого ряда историков о книге «А. С. Грибоедов и декабристы» (С. 26–27). То же явление наблюдается и в дальнейшем, когда цитируются рецензии И. А. Федосова на книгу «Восстание 14 декабря 1825 г.» (С. 33) или С. Б. Окуня на «Движение декабристов» (С. 35) и даже письма читателей публикаций, посвященных декабристам (С. 46–47). Тем самым обрисовывается восприятие трудов М. В. Нечкиной современниками из числа историков-профессионалов и не только, а на примере читательских посланий, пусть фрагментарно и косвенно, отношение к историческим событиям или памятникам в среде дилетантов.

Часть вводной статьи посвящена изложению принципов работы над публикацией, что позволяет, прежде всего, представить характер издаваемых материалов, среди которых наряду с привычными по форме дневниковыми записями содержатся и отдельные тетради с записями исключительно делового характера, иной раз ретроспективными, и даже еженедельники и карточки. Последнее обстоятельство, вероятно, существенно затруднило работу, тем более, что наличие записок, составленных по памяти за относительно длительный период, меняет характер публикуемого материала, коль поденные заметки сменяются мемуарными. В качестве примера приведем хотя бы тексты за 1927–1928 и 1955 годы, являющиеся не дневниками, а записями основных событий за год в целом, то есть неким подобием

мемуаров. Е. Р. Курапова оговорила разнохарактерность использованных материалов, заметив, что представленные ею тексты являются отчасти плодом реконструкции. Не можем не согласиться, что примененный археографом прием презентации записок М. В. Нечкиной является вполне оправданным, хотя и требует более точных указаний на особенности отдельных публикуемых фрагментов. Например, без дополнительных разъяснений трудно понять обратную хронологию записей при описании событий 1974 г. Некоторые недомумения возникают и относительно археографического оформления текстов. Так, в конце записи 5 октября 1976 г. в скобках читается: «Листки за 7–21 октября отсутствуют» (С. 546). Остается непонятным, кому принадлежит это замечание — М. В. Нечкиной или публикатору. Последний в других подобных случаях оговаривает отсутствие материалов в комментариях (например, С. 766).

Местами создается впечатление недостаточной вычитки текста, отсутствия корректуры. Если эпизодически встречающиеся опечатки не влияют на восприятие содержания и потому извинительны, то некоторые из них все же весьма досадны, поскольку оставляют возможность неоднозначного толкования. Например, между записями 22 и 24 февраля 1957 г. отдельным абзацем читается запись «февраля. Годичное собрание АН СССР» (С. 394). Предшествующая запись — 22 февраля — содержит тот же текст, то есть требуется дополнительно наводить справки о длительности академического мероприятия. В противном случае может создаться впечатление, что налицо случайное повторение текста. Еще пример: вряд ли М. В. Нечкина могла написать название французского журнала в читающейся в издании форме «Cahiers du mond rust et sovictique» (С. 403). И если это действительное авторское воспроизведение заглавия, то оно нуждается в соответствующем комментарии составителя, ибо оставляет недомумение по поводу степени усвоения М. В. Нечкиной столь важного для ее работы иностранного наречия.

Трудно поначалу без соответствующего пояснения во введении к публикации понять наличие заключенных в угловые скобки отточий (С. 61). Читателю остается гадать, то ли это пропуски в оригинале (утраты листов?), то ли пропуски публикатором каких-то «неудобных» фрагментов. Лишь впоследствии в примечании оговаривается, что таким образом отмечены именно исключенные при публикации записи.

В данном случае проявилась одна из важнейших проблем предания гласности материалов подобного рода — противоречие между необходимостью полноты издания памятника как исторического источника и желательностью соблюдения отдельной персональной тайны, причем не обязательно автора. Эту проблему, кажется, можно

было бы решить, отложив публикацию до той поры, когда не останется в живых ни одного из фигурантов, обнародование интимного не затронет уже ничьей личной жизни, а единственным интересом останется познавательный. Однако понятно и нетерпение, проявляемое археографами, стремящимися возможно скорее предоставить в распоряжение исследователей важный в научном смысле текст, как понятно и желание исследователей получить его же в изданном виде. Правда, исследователей много, тематика их занятий разнообразна, и кого-то из них неполнота публикации может не устроить.

Здесь необходимо задаться вопросом о смысле исключения отдельных фрагментов со сведениями интимного плана. Если подразумеваются интересы того лица, к которому эти сведения имеют непосредственное отношение, то его физическая смерть, кажется, снимает проблему ввиду отсутствия самого заинтересованного субъекта. При этом археографу содержание соответствующих фрагментов уже известно, то есть бывшее тайным для всех перестало быть таковым хотя бы для одного. Следовательно, опуская при публикации некие части текста, археограф как бы исключает себя из числа недостойных сокровенного знания. На самом же деле он, пусть неосознанно, всех, помимо себя самого, зачисляет в неспособные должным образом относиться к неким сведениям. Причем поступает он так, не учитывая мнения автора публикуемого им текста. Напомним, что этот последний, однажды записав некое сообщение и впоследствии не потрудившись каким-то образом уничтожить запись, заранее допускал возможность ознакомления с нею неопределенного числа сторонних глаз, то есть предвидел разглашение тайны. Стоит ли в таком случае археографу стараться быть более щепетильным, нежели сам автор дневника, купируя текст и вынуждая потенциального исследователя либо обращаться к оригиналу, либо заново предпринимать издание, теперь уже в полном виде? В обыденной жизни отсутствие достоверных сведений порождает слухи, в науке молчание источников приводит к необходимости догадок. Столь ли существенно различие?

Помимо прочего, необходимо учитывать и то обстоятельство, что автор публикуемого дневника, видимо, воспринимается археографом в качестве незаурядной личности, требующей особо бережного, учтвого, если угодно, обращения. Однако не стоит упускать из вида, что всякая исключительная личность в отдельных своих проявлениях предстает чем-то вполне обыкновенным и, следовательно, относящиеся к ней сведения могут быть использованы для воссоздания не «образа в истории», а образа в исторической повседневности. Интимное как уникальное либо останется самим собой, либо окажется распространённым явлением, в любом случае — историческим.

Тем самым, исключение отдельных, пусть даже кажущихся теперь малозначимыми фрагментов при публикации записок М. В. Нечкиной, как и всяких других, представляется неверным и потому снижающим ценность издания в целом.

Наиболее уязвимой частью любой публикации в отношении степени полноты сообщаемых сведений являются комментарии. Сколь бы пространными они ни были, всегда появляется желание расширить их, вопреки стремлению удовольствоваться достаточным, распространить по содержанию до цельных самостоятельных исследований. Вовремя остановиться, ограничиться необходимым — важнейшая задача археографа, с которой Е. Р. Кураповой удалось успешно справиться. Занимая в рассматриваемом томе немногим менее двухсот страниц, этот раздел показывает, сколько усилий потребовалось предпринять, чтобы освоить огромный по объему, в том числе и остающийся неопубликованным материал. И при этом комментарии, содержащие массив дополнительных фактов, не утратили своей поясняющей функции, не превратились в отдельные очерки о событиях или людях. Можно даже отметить иной раз нарочитую, до крайности лапидарность. Примечательно, что некоторые из комментариев, вроде «Гераклит Эфесский (кон. VI — нач. V в. до н. э.) — философ», вольно или невольно отражают мнение составителя об историческом кругозоре предполагаемого читателя как весьма ограниченном. Нельзя не отметить, что в наиболее кратких комментариях отсутствует единообразие предлагаемых сведений. К примеру, о Л. В. Даниловой сказано, что она историк, но не указан даже год рождения (С. 675). Это можно было бы воспринять как обычный акт вежливости в отношении дамы, но несколькими страницами далее почему-то назван год рождения Р. А. Киреевой (С. 684).

Отмеченные недочеты или дискуссионные моменты, на наш взгляд, нисколько не способны повлиять на оценку труда Е. Р. Кураповой как замечательного явления в археографии последних десятилетий. Значимость же этой работы пока трудно оценить адекватно, поскольку только теперь, вследствие публикации, дневники М. В. Нечкиной оказываются доступными потенциальным исследователям, способным в перспективе использовать их данные для воссоздания целостной картины развития советской исторической науки. Дело ведь не только в том, что это просто дневники человека, вошедшего благодаря своим трудам в историю науки. Таких людей много, хотя и не все из них оставили свои «поденные записки». Дело, скорее, в том, что труды М. В. Нечкиной, сами составляя эпоху в исследованиях отдельных вопросов, писались в весьма своеобразное время, особенности которого, по уверению многих современных авторов, крайне негативно отразились на развитии науки. И если учитывать,

что на протяжении нескольких предшествующих десятилетий, напротив, подчеркивалось благотворное влияние тех самых явлений, кои теперь почитаются зловерными, то налицо существование прямо противоположных оценок одного и того же процесса, а следовательно, и необходимость проведения полноценных исследований с использованием максимального количества источников, среди которых, безусловно, свое место найдут и дневники М. В. Нечкиной.

Опубликованные в томе материалы, конечно же, позволят в подробностях реконструировать научную биографию выдающегося ученого. Но особенно интересным представляется возможность увидеть период становления Нечкиной-историка. В связи с этим стоит обратить особое внимание на записи 25–26 мая 1915 г., в которых содержатся заметки о размышлениях о законах истории (С. 70–71), или 9 августа того же года, повествующие о круге чтения (Г. Спенсер) и образе занятий (С. 73). Можно считать, что с самой ранней поры — времени выбора гимназисткой будущей профессии — М. В. Нечкиной была свойственна приверженность к теоретическому осмыслению исторического процесса. Последнее невозможно без решения, в первую очередь, методологических вопросов, и смутное осознание этого отразилось в дневнике Нечкиной-студентки в записи 6 ноября 1919 г.: «Вся трагедия нашей науки состоит в том, что в ней масса противоположных мнений кажется одинаково возможной. В ней есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное. И сейчас же, во время записи, в мысли приходит вопрос о методологическом основании. Прямо тоска по методу поднимается в душе. И, главное, не по тому методу, который дается профессорами на практических занятиях, а по какому-то другому. Тот метод, который преподносят нам, дает возможность доказать противоположное. Я все это еще очень смутно сознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого» (С. 103).³ И несколько далее

³ Интересным в связи с этим представляется очерченный спустя полстолетия эскиз фона эпохи: «Буржуазные историки все сильнее чувствовали несостоятельность старой, идеалистической методологии, ее ограниченность и бесплодие. Для реакционной буржуазной историографии тех лет характерно засилие антинаучных идеалистических теорий исторического процесса. Распространение солипсизма и агностицизма: подвергались сомнению возможность познания исторического прошлого и объективный характер человеческих знаний; отрицались историческая закономерность, причинность, взаимообусловленность и взаимозависимость явлений в природе и обществе; история изображалась как хаос явлений и событий, в который человеческий разум вносит определенный порядок; исторические явления подвергались психологизации; субъектом исторического процесса вместо общества в целом объявлялся отдельный человек с его индивидуальной психологией. Даже экономические процессы характеризовались с точки зрения психологии. Все большее

в этот же день: «Путь дальнейших занятий для меня ясен: сначала политическая экономия, потом теория исторического материализма, потом работа над сочинением не во имя составления ясного мнения о Покровском, Рожкове и других русских историках, а во имя утверждения методических приемов, по которым я тоскую» (С. 104).

Начав работать над собственным «сочинением» об историках, бывших в ее представлении сторонниками экономического материализма, М. В. Нечкина, естественно, вынуждена была обратиться к трудам материалистов-теоретиков. Обращает на себя внимание запись 8 февраля 1920 г. В этот день, окончив штудировать труд М. И. Туган-Барановского, М. В. Нечкина, наряду с некоторыми другими книгами, лишь поверхностно знакомится с содержанием «К критике политической экономии» К. Маркса (С. 157). В последующие дни, прочитав несколько брошюр об историческом материализме, она 15 февраля заново перечитывает предисловие к книге К. Маркса (С. 158). Уже неделю спустя М. В. Нечкина обращается к «Анти-Дюрингу» Ф. Энгельса, отмечая необходимость в дальнейшем перечитать его заново, а во второй половине февраля-марте немало времени уделяет знакомству с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Лабриолы, К. Каутского, П. Лафарга и Г. В. Плеханова, изучая и работы критиков марксизма, то есть рассматривая предмет с разных сторон и одновременно признаваясь в личной ненависти к трудно усвояемой логике (С. 160). Видимо, считая себя достаточно компетентной в учении исторического материализма, М. В. Нечкина уже в середине апреля пишет статью «Взгляд Маркса и Энгельса на историю», в мае появившуюся на страницах журнала (С. 163). Летом М. В. Нечкина, помимо работ специалистов-историков, читает сочинения В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и Э. Бернштейна, то есть продолжает знакомиться, в том числе, и с теоретическими основами марксизма.

Несомненно, М. В. Нечкина работала с интересом, и ей казалось, что перед нею разворачиваются некие перспективы, о чем свидетельствует, в частности, запись 21 июня 1920 г.: «Для меня открылся в истории целый мир после знакомства с экономическим материализмом. Я как будто прозрела. Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность» (С. 113–114).

Стоит заметить, что освоение теории марксизма проходило у М. В. Нечкиной без какого-либо внешнего принуждения, исклю-

распространение получали религиозно-этические теории и объяснения исторического процесса» (Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968. С. 207).

чительно в силу осознания насущной необходимости. Приведенные записи относятся к периоду, когда новая власть еще не оказывала сколько-нибудь серьезного влияния на формирование университетских программ. Только в 1920 г. появляется первый декрет об учебных планах, 4 марта 1921 г. будет издан декрет о научных минимумах, а 1 ноября 1922 г. — об обязательных дисциплинах, преследовавшие цель утверждения в высшей школе марксизма как новой научной методологии. Необходимым же для М. В. Нечкиной изучение трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей оказывалось не только и не столько ввиду поставленной задачи написания работы на означенную тему, сколько стремлением усвоить теорию исторического процесса, что и нашло отражение в ее дневниковых записях.

Однако освоение теоретического материала оказалось связано со многими трудностями, даже помимо отмеченной самой М. В. Нечкиной ненависти к логике. Видимо, «прозрение» иной раз было лишь кажущимся, а прочтение соответствующих книг не всегда означало адекватное восприятие их содержания. Так, в ночь на 1 августа 1920 г. М. В. Нечкина записывает: «Думала ... о том, что нового внесено в историческую схему последователями экономического материализма, написала 3 листа мыслей» (С. 174). Очевидно, что даже после подготовки статьи об исторических воззрениях Маркса и Энгельса стремление осмыслить марксистскую историческую теорию не оставляет ее автора, хотя нельзя не заметить, что М. В. Нечкину больше интересует теперь не метод, а некая схема, которая, если буквально следовать тексту ее записи, уже существовала и лишь дополнялась «материалистами». Последнее позволяет усомниться в том, что М. В. Нечкина действительно полностью понимала идеи, нашедшие отражение в прочитываемых ею книгах.⁴

22 декабря 1922 г. М. В. Нечкина записала: «Прочла отдел о государстве в „Справочной книжке марксиста“ Чернышева (изд. 2-е, 1917) и вообще просмотрела всю книгу. Боже, до чего убого в науке все то, что исходит от марксизма!» (С. 241). Категоричность выражения не позволяет думать, что эпитет «убого» касается лишь работы некоего Чернышева. Напротив, таковым объявлено все, что исходит от марксизма, что трудно согласуется с отмеченными ранее восторгами по поводу уяснения сути исторического процесса.

Можно лишь догадываться, относились ли к числу «убогих» сочинения самих К. Маркса и Ф. Энгельса, но некоторые суждения М. В. Нечкиной в ее дневниках заставляют, по меньшей мере, усом-

⁴Заметим, что о том же говорит и неразличение экономического и исторического материализма, свойственное в то время многим, в том числе и М. В. Нечкиной.

ниться в том, что она воспринимала истинное их содержание. Еще 13 октября 1922 г. она записала, что в разговоре с Ю. Н. Фармаковским о правовом государстве узнала «много интересного о новой французской школе, смотрящей на государство как на „организацию публичных служб“ (подчеркивается социально-служебная роль государства, следовательно, направление биологическое)» (С. 232). Интересным и, очевидно, новым М. В. Нечкиной показалось суждение о государстве как «организации публичных служб», хотя с таким взглядом на государство она уже встречалась и ранее.

Из дневниковых записей явствует, что 22–27 февраля 1920 г. М. В. Нечкина читала «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса (С. 158–159). Однако именно в «Анти-Дюринге» находим интересное место: «...Вместе с различиями в распределении возникают и *классовые различия*. Общество разделяется на классы — привилегированные и обездоленные, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные, а государство, к которому стихийно сложившиеся группы одноплеменных общин в результате своего развития пришли сначала только в целях удовлетворения своих общих интересов (например, на Востоке — орошение) и для защиты от внешних врагов, отныне получает в такой же мере и назначение — посредством насилия охранять условия существования и господства правящего класса против класса угнетенного».⁵ Совершенно очевидно, здесь раннее государство рассматривается именно как структура, призванная удовлетворять общие интересы, то есть играть «социально-служебную роль».

Допустим, это замечание Энгельса осталось незаметным и незамеченным для М. В. Нечкиной вследствие торопливости при чтении (первые два раздела «Анти-Дюринга» она прочитала в течение одного дня). Зато далее в «Анти-Дюринге» содержится более пространное рассуждение, не обратив внимание на которое трудно: «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности. Здесь господствует известное равенство уровня жизни, а для глав семей — также своего рода равенство общественного положения, по крайней мере отсутствие общественных классов, которое наблюдается еще и в первобытных земледельческих общинах позднейших культурных народов. В каждой такой общине существуют с самого начала известные

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 152.

общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы — разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах; наконец, на ступени первобытно-дикого состояния — религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена, — так, например, в древнейших германских марках и еще теперь в Индии. Они облечены, понятно, известными полномочиями и представляют собой зачатки государственной власти. Постепенно производительные силы растут; увеличение плотности населения создает в одних случаях общность, в других — столкновение интересов между отдельными общинами; группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей, которая в мире, где все происходит стихийно, устанавливается почти сама собой, отчасти же благодаря растущей необходимости в такого рода органах, связанной с учащением конфликтов с другими группами». ⁶ Наконец, на следующей странице все та же мысль высказывается в предельно концентрированном виде: «...в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло». ⁷

Все это проскользнуло мимо внимания М. В. Нечкиной, из чего становится ясным ее весьма поверхностное ознакомление с сочинением Ф. Энгельса, как, впрочем, и с трудами других представителей того же течения общественной мысли. Следовательно, наличие искреннего интереса, усилия, направленные на освоение соответствующей теории, насыщение собственных работ ссылками на издания текстов определенных теоретиков, даже написание специального посвященного им собственного сочинения еще не означали, что начинающий свой научный путь историк превращался не просто в сторонника этой теории, а в подлинного марксиста, как все то же самое не говорит о марксизме и любого иного историка. Однако сказанное

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 183–184.

⁷ Там же. С. 184.

свидетельствует в пользу мнения о наличии у М. В. Нечкиной стремления к овладению марксистской теорией, по меньшей мере, в том виде, в каком она ее понимала. О том же говорят и факты научной биографии М. В. Нечкиной.

Уже завершив работу над книгой, М. В. Нечкина уделит немало внимания работам К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей, что найдет отражение в ее восторженном замечании об отношении к В. И. Ленину, М. Н. Покровскому и П. И. Стучке (С. 264,⁸ 613–614). В дальнейшем она напишет специальную, отличающуюся оригинальностью темы работу о «Капитале» К. Маркса, в которой, в частности, можно прочесть: «Подзаголовок его — „Критика политической экономии“ дает замысел этой борьбы с буржуазным миром. Цель — не только обосновать новую систему, а разрушить старую и обосновать новую, камня на камне не оставить от псевдонаучных апологий буржуазного мира. Маркс не торопится к выводам, он знает, что успеет до них дойти. Он будет железной волей своей логики вести к нему читателя. Он сначала будет показывать, потом доказывать, но показывать с такой убедительностью, что вывод в вашей голове будет готов раньше, чем его даст вам Маркс. Он сольет ваше мышление со своим и, как лодка, привязанная к кораблю, вы поплывете туда, куда поплывет корабль».⁹ Вряд ли стоит сомневаться, что в этих словах М. В. Нечкиной отразилось ее собственное образное впечатление, создавшееся при чтении «Капитала». Такое эмоциональное восприятие прочитываемого, в свою очередь, свидетельствует о живом интересе читателя к лежащему перед глазами тексту.

Благодаря такому интересу М. В. Нечкиной удастся подметить некоторые тонкости в выражениях К. Маркса. Например, она обращает внимание на то, что, говоря о первоначальном накоплении капитала, Маркс в самом заглавии подчеркивает неверность обозначения процесса. «...Развертываются, — пишет М. В. Нечкина, — картины этого „накопления“ — ограбление крестьян, экспроприация земли, средств производства. Хорошо „накопление“! Маркс иронически в заглавии ставит „так называемое“. Не все интерпретаторы Маркса заметили и оттенили эту иронию (например, Каутский не передал иронии в своем „Экономическом учении“).¹⁰ Последнее замечание об интерпретаторах Маркса показывает осмысленно критическое восприятие как анализируемого сочинения, так и «коммен-

⁸ Эта страница с упоминанием В. И. Ленина не приведена в именном указателе (С. 806), что заставляет подозревать в нем и другие неточности.

⁹ *Нечкина М. В.* Литературное оформление «Капитала» К. Маркса. М., 1932. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 77.

тариев» к нему. М. В. Нечкина тем самым выступает уже не верхоглядом, вскользь ознакомившимся с некоей теорией, но специалистом, способным оценить соответствие сторонних суждений по поводу отдельных положений этой теории. О последнем свидетельствует и практически синхронная книжному тексту дневниковая запись 20 января 1931 г.: «Прочла статью Покровского в № 18–19 „Историка-марксиста“ об образовании Московского государства (по-моему, подход к вопросам национальности не вполне ленинский и есть своеобразная переоценка национального момента)» (С. 294).

Насколько в дальнейшем исторические построения М. В. Нечкиной будут соответствовать положениям марксистской теории, предстоит установить исследователям ее творчества, и опубликованные дневниковые записи, несомненно, окажутся весьма полезными в их работе. Однако уже теперь можно отметить, что те же записи являют собой ценный источник сведений о пути формирования научных воззрений будущего историка, в том числе и теоретических оснований этих воззрений.

Считается, что научная карьера, понимаемая как достижение каких-то должностей и званий, в советскую эпоху напрямую зависела от принадлежности к правящей в то время партии.¹¹ Это мнение, странным образом исходящее от людей, хорошо знающих реальную ситуацию, легко опровергается простой справкой из биографий видных историков, удостоившихся академических степеней и значительных административных постов, в том числе и М. В. Нечкиной, беспартийного члена двух академий. Тем более интересно, что и обращение к марксистской теории у такого беспартийного историка происходило вследствие внутренней потребности, а не в соответствии с требованиями партийных инстанций. Последнее заставляет более внимательно и непредвзято подойти к изучению формирования считающегося марксистским направления в советской историографии, основываясь не на заранее сформировавшемся мнении, а на данных, полученных из анализа сведений разнообразных источников, в том числе и личных материалов, подобных дневникам М. В. Нечкиной.

Кажется, мы несколько увлеклись одной из тем, которыми позволяет заняться введение в широкий оборот дневников крупного ученого, и как бы отдалились от рассмотрения собственно их публикации. Однако именно это увлечение показывает, насколько полезное для историографов дело совершено Е. Р. Кураповой, чей труд обязательно окажется востребованным, что и станет высшей из возможных оценок.

¹¹ См., например: *Маяк И. Л.* Елена Сергеевна Голубцова (1921–1998) // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. 3. М., 2004. С. 31.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук
- АЕ — Археологический ежегодник
- ВИ — Вопросы истории
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией
- ЗОР — Записки Отдела рукописей
- ОФР — Очерки феодальной России
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РД — Русский дипломатарий
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кистерев С. Н.</i> К оценке профессиональной подготовленности таможенных служащих XVII века	3
<i>Солодкин Я. Г.</i> Существовал ли институт соправительства в Московском государстве на рубеже XVI–XVII веков?	8
<i>Кистерев С. Н.</i> К изданию дневников М. В. Нечкиной	16
Список сокращений	30

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 6

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

